

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, ЗА КОРОЛЯ! (GENTLEMEN, THE KING!)

Во вторник вечером я всегда захожу в стейк-хаус «У Бобби» поужинать тушеной говядиной: «У Бобби» тушеная говядина очень сытная и по цене вполне приемлемая. По факту тушеную говядину «У Бобби» все на Бродвее считают очень модным блюдом во вторник вечером.

Так что в тот вечер во вторник, о котором речь, я накручивал «У Бобби» тушеную говядину и читал результаты скачек в газете, и тут в кабаке заходят двое моих старых друзей из Филадельфии и с ними еще старикан, его я раньше не встречал, со злощней мордой.

Один из моих старых друзей из Филадельфии – Чижик Чизкейк, его прозвали Чижиком Чизкейком за то, что все время трескал чизкейки в магазинах деликатесов, ну, никто и не упрекал его в этом: чизкейки очень популярны в некоторых кругах и очень хороши с кофе. Вообще-то его звали Морисом, и он отличался выдающимся носом и был на все руки мастер.

Второй мой старый друг из Филадельфии – Кит Скорик, тридцати двух или тридцати трех лет, ну, и он был таким задорным во всем. Он отлично разбирался в хорошей одежде, ну, в свое время работал с очень хорошей братвой в Филадельфии, и когда-то денюжат у него водилось до хрена, хотя в последние годы, как я слышал, у Кита Скорика дела шли не так хорошо, как и у всех вообще в Филадельфии, если о том говорить.

Ну, конечно, я не бросился сразу в объятия к моим старым друзьям из Филадельфии и по факту заслонился газетой – не резон бросаться с объятиями к приезжим у нас в городе, особенно к приезжим из Филадельфии, пока не узнаешь, зачем приехали. Но, похоже, Кит Скорик успел разглядеть меня до того, как я спрятался за газетой, и он сразу подошел к моему столику, и с ним подошли Чижик Чизкейк и другой тип, поэтому, само собой, я тепло их приветствовал, очень сердечно, предложил сесть за стол и поесть со мной тушеной говядины, и, пока они отодвигали стулья, Кит Скорик говорит:

– Ты знаешь Джо-джо из Чикаго? – спрашивает он, указывая большим пальцем на третьего спутника.

Ну, конечно, я знал Джо-джо по молве, которая внушала большую тревогу, но никогда не встречался с ним раньше, и, если бы от меня зависело, совсем бы с ним не встречался, потому что Джо-джо считался очень грубым персонажем – даже в Чикаго.

Он был итальянцем, низеньким, крепко сбитым, коренастым, медлительным, с такой пастью, какой орехи колотить, и с сонными глазами, и почему-то он напомнил мне льва, которого я однажды видел в клетке в цирке «Ринглинг». У него были черные усы, и в Чикаго он считался старожилом, и приезжим его показывали как местную знаме-

нитость, поскольку прожил очень долго, то есть, возможно, годков сорок.

На самом деле его звали Антонио и как-то там дальше, и почему его прозвали Джо-джо, мне никто не сказал, но, думается, «Джо-джо» выговорить легче, чем «Антонио». Он пожал мне руку и сказал, что рад встрече со мной, затем сел и принялся стремительно уплетать тушеную говядину, а тем временем Кит Скорик говорит:

– Послушай, ты знаешь кого-нибудь в Европе?

Ну, это был вопрос совершенно врасплох, и, натурально, я не хотел отвечать на вопросы врасплох от ребят из Филадельфии, не обдумав их очень тщательно, и, желая выиграть время для размышления, я спросил Кита Скорика:

– О какой Европе ты говоришь?

– Ох, – сказал Кит с огромным удивлением, – разве у нас есть еще одна Европа? Я говорю о большой Европе в Атлантическом океане. Это та Европа, куда мы едем, и, если ты знаешь там кого, мы с удовольствием заглянем к нему и передадим привет от тебя. Мы едем в Европу по крупнейшему делу, по такому, о каком никто еще не слышал, – сказал он. – По факту, – сказал он, – благодаря этому делу мы все разбогатеет. Мы отплываем сегодня вечером.

Ну, вот так сразу я не смог вспомнить никого в Европе, а если бы и знал там кого, уж точно не пожелал бы, чтобы такие личности, как Кит Скорик, Чижик Чизкейк и Джо-джо, передавали им приветы от меня, но, конечно, эту мысль я не высказал вслух. Я только пожелал им счастливого плавания и поменьше мучений от морской болезни. Натурально, я не спросил, какое дело их ждет: если бы спросил, они бы подумали, что я очень любопытен, но, по моей прикидке, они собрались за каким-то коммерческим продуктом, таким как виски или ликеры.

В любом случае Кит Скорик, Чижик Чизкейк и Джо-джо вдосталь налопались тушеной говядины – оплатить чек предоставили мне – и пропали на несколько месяцев. Затем как-то раз я приехал в Филадельфию посмотреть бокс и наткнулся на Кита Скорика на Брод-стрит: выглядел он как обычно, и я спросил, как было в Европе.

– Ничего хорошего, – ответил Кит. – Поездка была провальная, хотя мы повидали много красивых мест и пережили несколько приключений. Может быть, – сказал Кит, – хочешь послушать, как мы съездили в Европу? История очень необычная на самом деле и отнюдь не лживая, и я с радостью поведаю ее кому-то, кто, мне думается, поверит, что не заливаю ему баки.

Итак, мы пошли в кабак «У Уолтера», сели в углу, заказали кофе, и Кит Скорик приступил к рассказу.

Все началось с того (говорит Кит), что некий крупный юрист пришел ко мне здесь в Филадельфии и спросил, не готов ли я взяться за дело, которое меня обогатит, и, натурально, я ответил, лучше не придумашь – тогда положение в Филадельфии было аховое, и полиция проводила следственные действия во всяких местах, и много братков попали в розыск, и у меня в брючном кармане – тугриков всего чуток, и я ломал голову, где достать еще.

И вот этот юрист привел меня в отель «Ритц-Карлтон» и представил некоему графу Саро, и юрист говорит – все, что скажет граф Саро, законно на сто процентов, и тотчас умотал, словно ему по барабану, что скажет граф Саро. Но я знал, что этот адвокат не давал добро, если дело не заслуживало одобрения на все сто, он хорошо мозговал в своем ремесле, да и во всем прочем, и хрустов у него было до хрена.

Этот граф Саро был низенький субъект с узенькими усиками, в полосатых штанах и белых гетрах, в визитке, носил монокль и казался иностранным аристократом, хотя отлично говорил по-английски. Да начхать, как выглядел граф Саро, одно скажу: он был очень деловым и не ходил вокруг да около.

Он объяснил, что представляет одну политическую партию в его родной стране в Европе, где у них есть король, и что его страна желает избавиться от короля – короли вышли из моды в Европе, сказал граф Саро, и теперь ни одна страна не может преуспеть с королем. Он предложил мне найти людей на мой выбор, поехать и избавиться от короля, и граф Саро пообещал: заплатит двести тысяч добрых американских тугриков, из них сразу дает авансом двадцать пять тысяч, а остаток выплатит юрист после выполнения задания.

Ну, это было ошеломительное предложение, в самом деле: я часто слышал о предложениях избавиться от других братков, но ни разу еще не делали предложения избавиться от короля. Более того, это мне показалось неразумным, поскольку избавление от короля должно было привлечь широкое внимание и вызвать осуждение, но граф Саро объяснил, что страна крохотная, захолустная и его политическая партия захватит телеграф и все прочее, лишь только я избавлюсь от короля, поэтому никто не будет раздувать новости за рубежом.

– Все будет сделано очень тихо, упорядоченно, – сказал граф Сафо, – и вам не будет грозить никакая опасность.

Ну, натурально, я задал вопрос графу Саро, почему он не поручит дело кому-нибудь в его родной стране, тем более что хорошо платит, и он ответил примерно так:

– Ну, – сказал он, – во-первых, у нас в стране не найти надежного человека с опытом в таких делах, и, во-вторых, мы не хотим впутывать никого из наших граждан в избавление от короля. Это чревато осложнениями внутри страны, – сказал он. – Удобнее привлечь иностранца, – сказал он, – отлично известно: в королевском дворце много алмазов и изумрудов, и все будет выглядеть как нечто свойственное иностранцам, особенно американцам, норовящим похищать алмазы и изумруды из дворцов, и, если, вломившись во дворец за алмазами, им случится избавиться от короля, все решат: просто несчастный случай, как частенько в вашей стране.

Далее граф Саро сказал, что его люди заранее все подготовят для меня, поэтому я без помех проберусь во дворец, где избавлюсь от короля, но, добавил он, конечно же, на самом деле не следует уносить алмазы и изумруды, они нужны его политической партии.

Ну, вся затея не вызвала у меня большой радости, но граф Саро вытащил пачку хрустов, отстегнул двадцать пять крупных шершавых купюр по тысяче долларов, и вот – они передо мной, и, глядя на все эти тугрики и думая о том, какие трудные времена настали и как кругом лопаются банки, я почувствовал большое искушение, тем более что уже подумывал об этом графе Саро как о чуде, который только несет ерунду об избавлении от какого-то короля.

– Послушайте, – сказал я графу Саро, который сидел напротив и внимательно смотрел на меня, – почему вы думаете, что я не слиняю с тугриками, ничего не сделав?

– Да что вы, – воскликнул он с большим удивлением, – вас аттестовали как честного человека, и я принял все рекомендации. В любом случае, – сказал он, – если не выполните нашего соглашения, вы только себе навредите: потеряете сто семьдесят пять тысяч, и юрист покажет вам, где раки зимуют.

Ну, в итоге я пожал руку графу Саро и затем вышел на поиски Чижика Чизкейка, хотя еще думал, что граф Саро слегка чудит, и, пока я искал Чижика, кого я встретил, как не Джо-джо, и Джо-

джо мне сказал, что приехал на какое-то время отдохнуть из Чикаго: там кто-то назвал его общественно опасным субъектом, и Джо-джо сказал, это ужасная ложь, на самом деле он обожал общество во все времена.

Натурально, я обрадовался встрече с Джо-джо, потому что ему можно было доверять на все сто, и, натурально, Джо-джо обрадовался делу, которое позволит ему честно заработать, пока он на отдыхе. Так что мы с Джо-джо и Чижиком все обсудили и договорились: я за наводку беру сто тысяч, а Чижик и Джо-джо возьмут по пятьдесят тысяч, и вот как получилось, что мы отправились в Европу.

Итак, мы причалили в назначенном порту в Европе, и кто же нас встретил, как не еще один субъект с моноклем, который объявил, мол, звать его бароном фон Терпом или как-то так, и он представляет графа Саро, и тут мне подумалось, что на родине графа Саро полно одноглазых. В любом случае этот барон фон Терп отправлял нас в дорогу поездами и автомобилями в течение нескольких дней, пока наконец после долгуше-го автомобильного переезда мы не оказались на окраине красивого средневекового городка, который, похоже, и был нашим конечным пунктом.

Затем барон фон Терп привез нас в маленькую гостиницу на окраине городка и сказал, здесь должен оставить наше общество, чтобы его с нами не видели, впрочем, оговорился: мол, не считайте за оскорбление. По факту барон Терп сказал, что с нами путешествовать было очень приятно, если не считать желания Джо-джо поупражняться в стрельбе по мишеням из автоматического оружия – по бездомным собакам и цыплятам. Он сказал, что ему даже не мешало пение Чижика Чизкейка, хотя лично мне оно представляется одним из главных недостатков нашего путешествия.

Перед уходом барон фон Терп начертил грубый план дворца изнутри, где мы должны были избавиться от короля, и показал схему расположения всех комнат и дверей. Он сказал, что обычно во дворце и у входа есть стражники, но его люди позаботятся, чтобы стражников не было в девять вечера, кроме, может, одного у дверей в спальню короля, и барон фон Терп прибавил, мол, если придушим его – очень хорошо, этого стражника барон недолюбливает в любом случае.

Но, что принципиально, сказал он, надо действовать быстро и тихо, войти и выйти в течение часа, не оставляя следов, и я ответил, это очень подходит нам с Чижиком Чизкейком и Джо-джо,

в самом деле, а то мы уже утомились от дороги и мечтаем отвалить куда-нибудь на продолжительный отдых.

Закончив объяснения, барон фон Терп умогал, но оставил нам большой быстрый автомобиль с поганого вида шофером – он плохо говорил по-английски, но якобы знал все пути-дороги, и на этом автомобиле мы выдвинулись из гостиницы около девяти утра согласно инструкции и покатали к дворцу, который оказался просто большим квадратным старым зданием посреди как бы парка, чуть-чуть в стороне от городка.

Поганая харя покотил аккуратно через парк прямо к парадному входу в здание, мы трое вышли из машины, и Поганая харя отогнал автомобиль в тень под кронами – дожидаться нас.

Я лично готовился к большой перестрелке, когда мы выдвигались во дворец, и ствол расположил в удобной досягаемости, да и Джо-джо и Чижик Чизкейк тоже держали пушки наготове. Но, в точности как сказал барон фон Терп, нигде вокруг не было стражников, и по факту вокруг не было ни души, когда мы вошли во дворец через парадное и оказались в большом зале с картинами, рыцарскими доспехами, старинными мечами и всякой всячиной, развешанной на стенах, так что наводка была отличная, в самом деле.

Я вынул план посмотреть, где на втором этаже располагается спальня короля, и, когда мы подошли, шагая тихонько, без шума, готовые стрелять, если надо, у двери в спальню обнаружили верзилу в форме, который очень удивился, увидев нас, распахнул пасть и было крикнул что-то, но что – никто никогда не узнает, поскольку Чижик Чизкейк врзал ему по кумполу прикладом автомата 45-го калибра и вырубил его.

Затем Джо-джо схватил шнур от тяжелой шелковой гардины над дверью и крепко-накрепко связал верзилу, запихнул платок ему в пасть на случай, если очнется и пожелает снова заорать, и, когда все это было сделано, я тихо повернул ручку двери в королевскую спальню, и мы вошли в комнату, больше похожую на зал молодежных собраний, чем на спальню, разве что комната была кругом обвешана шелковыми порттьерами и стояло много позолоченной мебели.

Ну, и кто же оказался в этой комнате, как не хорошенькая милочка и ребенок восьми-девяти лет, и ребенок лежал на большой кровати с навесом, как над входом в ночной клуб, из чистого шелка, милочка сидела у кровати и читала ребенку книжку. Все выглядело очень по-домашнему,

поэтому мы остановились и, сильно удивленные, осмотрелись вокруг – конечно же, мы не ожидали увидеть такую картину.

Итак, мы стояли посреди комнаты, несколько сбитые с толку, и милочка обернулась и посмотрела на нас, и ребенок сел в постели. Он был толстенький мальчуган с пухленьким личиком и множеством кудряшек, и глазки у него были как олады, а то и больше. Милочка очень побледнела, когда увидела нас, и так задрожала, что выронила книгу, и книга упала на пол, но ребенок не испугался и сказал на хорошем английском:

– Кто вы? – спросил он.

Ну, вопрос был справедливый, но естественно мы не стремились в этот час заявлять, кто мы, поэтому я сказал:

– Неважно, кто мы, где король?

– Король? – переспросил ребенок, сидя с прямой спиной в постели. – Ну, как же, я и есть король.

Ну, конечно, нам этот ответ показался пустой шуткой, у нас хватало мозгов, что короли не бывают такими маленькими, как этот карапуз, и в любом случае мы не были настроены с ним спорить, поэтому я сказал милочке:

– Послушайте, нам сейчас не до шуток, мы очень торопимся. Где король?

– Ну, как же, – сказала она дрожащим голосом, – это и в самом деле король, а я его гувернантка. А вы кто, что вам угодно? Как вы попали сюда? – спросила она. – Где стража?

– Барышня, – сказал я, сильно удивляясь собственному терпению, – может быть, этот шкет и король, но нам нужен большой король. Нам нужен самый заглавный король, – подчеркнул я.

– Другого нет, – ответила она, и ребенок вставил:

– Мой отец умер два года назад, и я король вместо него, – сказал он. – А вы англичанин, как мисс Пибоди? – спросил он. – А кто этот потешный старикан позади вас?

Ну, конечно, Джо-джо выглядел потешно, если на то пошло, но никто прежде не вел себя настолько неделикатно, чтобы сказать об этом в лицо, и Джо-джо заворчал что-то, а Чижик Чизкейк сказал:

– Мама родная, – сказал Чижик, – это ужасное безобразие. Нас отправили избавляться от короля, а король просто мелюзга. Я лично, – сказал Чижик, – не одобряю избавление от деток и мальцов и пацанок.

– Ну, – сказал Джо-джо, – я и сам против этого, как правило, но тут нам попалась очень наглая мелюзга.

– Вот что, – сказал я, – здесь какая-то ошибка. Давайте сядем и спокойно обговорим, посмотрим, получится ли все уладить. Мне кажется, – сказал я, – этот граф Саро не кто иной, как мошенник.

– Граф Саро, – повторила милочка, встала и подошла ко мне с очень встревоженным видом. – Вы сказали «граф Саро»? Ах, сэр, граф Саро очень плохой человек. Он подручный эрцгерцога Джино, который мальчику приходится дядей. Эрцгерцог стал бы королем, если бы не мальчик, и мы подозреваем, что некие люди плетут заговор против безопасности мальчонки. Ах, джентльмены, – сказала она, – вы, конечно, не станете вредить бедному сироте?

Ну, первый раз в их жизни Джо-джо и Чижика Чизкейка называли джентльменами, и, очевидно, они заметно смягчились, тем более что мальчик им радостно улыбался, хотя, конечно, он не улыбался бы им так радостно, если б знал, кому улыбается.

– Вот оно что, – сказал Джо-джо, – эрцгерцог просто негодяй, раз хочет навредить такому маленькому мальчику, хотя, конечно, – сказал Джо-джо, – шла бы речь о взрослом короле, тогда другое дело.

– Кто вы? – снова спросил мальчишка.

– Мы американцы, – объявил я, гордо объявляя принадлежность родной стране. – Мы из Филадельфии и Чикаго, и оба города – очень хорошие.

Глаза у мальчишки расширились еще больше, он вылез из постели и подошел к нам, при этом выглядел очень мило – в синей шелковой пижаме и босиком.

– Чикаго? – спросил он. – А мистера Аль Капоне вы знаете?

– Аля? – переспросил Джо-джо. – Знаю ли я Аля? Да мы с Алем не разлей вода, – ответил он, хотя я лично не поверю, что Аль Капоне узнает Джо-джо при встрече. – А ты откуда его знаешь?

– Ах, я не знаком с ним, – ответил мальчик. – Но я читал о нем в журналах, и об автоматах, и о гранатах. А вы знаете что-нибудь о гранатах? – спросил он.

– Знаю ли я о гранатах? – переспросил Джо-джо, словно этим вопросом были задеты его лучшие чувства. – Он спрашивает меня, знаю ли я о гранатах. Да вот, – сказал он, – гляди!

И что тут делает Джо-джо, как не вынимает из кармана маленькую круглую приبلуду, которую я сразу признал за бомбу: макаронники любят

бросать такие в тех, кто им не по нраву, особенно макаронники из Чикаго. Конечно, я ведаю не ведал, что Джо-джо носит это изделие где-то на себе, – и Джо-джо увидел, как сильно я удивился и как мало обрадовался, поэтому сказал:

– Я взял с собой на случай схватки с медведем, – объяснил он. – Такие очень удобны в схватке с медведем.

Ну, и пяти минут не прошло, как мы уже приятно болтали о всякой всячине, особенно мальчишка и Джо-джо, который быстро-быстро вешал мальцу лапшу на уши про Чикаго и Аль Капоне, и я очень надеялся, что Аль никогда не услышит лживых баек, сочиненных Джо-джо, а то он обвинит меня в том, что я был с Джо-джо, когда эти лживые байки выйдут наружу.

А я разговаривал с милочкой, ее как будто звали мисс Пибоди, и она не слишком противилась общению, – тем временем краем глаза я приглядывал за Чижиком Чизкейком, который расхаживал по комнате, осматривая предметы. Вероятно, Чижик пытался найти десяток-другой алмазов и изумрудов, упомянутых мною при рассказе о предложении избавиться от короля, – по факту я и сам ненароком косился по сторонам, но ничего достойного не заметил.

Эта мисс Пибоди рассказывала мне про политику в королевстве, и, похоже, эрцгерцог хотел избавиться от маленького короля и стать королем самому – он вступил в коммерческую сделку с крупной соседней страной, стремившейся подчинить себе королевство маленького государя. Из того, что мисс Пибоди рассказала, я заключил, что это королевство не больше округа Делавер, штат Пенсильвания, и мне подумалось, зачем разводить столько хлопот по поводу такой крохотной страны, но мисс Пибоди сказала, что это очень приятная маленькая страна.

Она сказала, что страна была бы еще приятнее, если бы не эрцгерцог Джино, поскольку народ любит короля-мальчишку, но старик эрцгерцог командует всем на свете, и мисс Пибоди сказала, лично она уже давно опасается, не ровен час, в конце концов он предпримет нечто радикальное, желая избавиться от маленького короля, с учетом завидного здоровья мальчишка. Ну, натурально, я не стал ей раскрывать нашу радикальную цель, я не хотел, чтобы мисс Пибоди плохо о нас думала.

Ну, теперь Джо-джо загорелся показать мальчику автомат – длиной в руку, а может, и больше, и мальчик пришел в восторг, взял ствол и давай

наводить на разные предметы и говорить «бах-бах», как делают мальчишки. Но при этом он нажал на курок – похоже, Джо-джо не поставил на предохранитель, – и ствол на самом деле дважды шарахнул «бах-бах», прежде чем мальчик отпустил курок.

Ну, первая пуля разбила большую вазу в углу комнаты – как потом объяснила мисс Пибоди, она стоила пятнадцать тысяч; вторая пуля сбила котелок с Чижика Чизкейка – и поделом: в присутствии дамы надо снимать шляпу. Естественно, эти выстрелы меня сильно встревожили, но позднее я узнал, что они пришлись очень кстати – похоже, у замка топтались всякие субъекты, в том числе барон фон Терп и несколько видных политических деятелей страны, которые наблюдали и прислушивались, чем все кончится, и после звука выстрелов умотали по домам, решили, что от короля избавились согласно контракту, и пожелали окзаться в постели, если кто явится с расспросами.

Ну, Джо-джо наконец кончил заливать баки про Чикаго и Аль Капоне, когда мальчишке в голову как будто пришла новая затея и он принялся рыться везде в комнате в поисках чего-то, и как раз, когда у меня мелькнула надежда, не подарит ли он нам сейчас алмазы и изумруды, он извлек на свет некий ящичек, и что же оказалось в ящичке, как не бейсбольная бита, перчатка ловца и бейсбольный мяч, и было очень странно обнаружить такие родные для нас предметы так далеко от дома, тем более что на бите стояло имя Бейба Рута.

– Вы знаете, что это за вещи? – спросил мальчишка у Джо-джо. – Они из Америки, мне их прислал один из наших подданных, когда ездил туда, но никто здесь не знает, для чего они.

– Знаю ли я о них? – сказал Джо-джо, очень нежно поглаживая их. – Он спрашивает меня, знаю ли я о них. Как же иначе, – сказал он, – в свое время я был самым известным ударником в вестсайдском блюзе в моем дорогом Чикаго.

Ну, у ребенка терпения никогда не бывает, ему вынь да положь, покажи, как обращаются с бейсбольным инвентарем, поэтому Чижик Чизкейк, утверждавший, что когда-то был звездным кетчером в команде «Вайн-стрит» еще в Филадельфии, надел щиток и маску, и Джо-джо взял биту, положил на пол диванную подушечку в качестве домашней базы и велел мне подавать ему мяч. Уже много лет я не играл в бейсбол, хотя в свое время я был неплохим питчером для любительской игры в Филадельфии и, возможно, вступил бы в клуб «Окленд Атлетикс», если бы у меня не было других дел.

Поэтому я скинул пальто и встал в дальнем конце комнаты, Джо-джо приготовился у пластины, а Чижик Чизкейк позади нее. И по тому, как он стоял, я видел, что Джо-джо не сладит с кручной подачей, поэтому я встал в хороший виндап и зафинделил бросок с отклонением, но, конечно, рука у меня уже не та, что была, и мяч не прошел вопреки ожиданиям, и Джо-джо отбил мяч в высокое окно на, должно быть, правильное поле, если бы комната была на ширину Шайб-парка.

Ну, Джо-джо начал бег, будто к первой базе, но, конечно, пространства для бега не хватало, поэтому он чуть не разбил себе лоб об стену, потерял мяч, и игра на этом завершилась, но мальчишка радовался до безумия этим делом, и даже мисс Пибоди рассмеялась, а судя по ее глазам, ей нечасто приходилось смеяться в жизни, при всем при том.

Уже было почти десять, и мисс Пибоди сказала, если кого-нибудь тут найдет, раздобудет нам поесть, и это прозвучало разумно, поэтому я вышел за дверь и приволок связанного верзилу, он уже очнулся и выглядел очень удивленным и довольно возмущенным, и мисс Пибоди что-то ему молвила на непонятном языке. Впоследствии, когда вспоминал, сам поражался, отчего так доверился мисс Пибоди – ничего не мешало ей шепнуть верзиле вызвать полицию, но, может, я поверил ее честным глазам.

В любом случае верзила в форме ушел, потирая кумпол, и вскоре пришел другой дундук, вроде как дворецкий, он тоже ужасно удивился при виде нас, но мисс Пибоди прикрикнула на него, и он стал заносить столики, тарелки, сэндвичи, кофе, и то и другое и третье в мгновение ока.

Ну вот, пожалуйста, мы впятером сидели за столом, ели и пили – ну, для чего еще дворецкий – он принес пару бутылок хорошего довоенного шампанского, очень приятного на вкус, хотя Чижик Чизкейк изрядно смутил меня, предлагая мисс Пибоди наскрести побольше этого продукта, и тогда он заработает для нее кучу тугриков от продажи в нашей стране, да и для короля тоже.

Когда дворецкий наполнил бокалы в самый первый раз, мисс Пибоди подняла свой бокал, посмотрела на нас, и, естественно, мы сообразили поднять и наши, и тогда она встала, подняла бокал высоко над головой и провозгласила:

– Джентльмены, за короля!

Ну, я тоже встал, и Джо-джо и Чижик Чизкейк тоже встали со мной, и мы произнесли все вместе: – За короля!

И затем мы отхлебнули шампанского и снова сели, и мальчишка всю смеялся и хлопал в ладоши и как будто думал, до чего же весело, ну, и правда нам было весело, хотя мисс Пибоди не давала ему вина и возмутилась, когда Джо-джо попробовал передать ему бокальчик под столом.

Ну, в конце концов мальчишка вообще не хотел с нами расставаться, особенно с Джо-джо, но мисс Пибоди сказала, сейчас ему положен дневной сон, поэтому мы пообещали еще как-нибудь приехать, взяли шляпы, и попрощались, и оставили его стоять в спальне рядом с мисс Пибоди, и одной рукой мальчишка обнимал ее за талию, и я пожалел, что это не моя рука.

Конечно, мы больше не приезжали, и по факту уехали из той страны в тот же вечер, и сели на первое судно в первом морском порту, до которого добрались, и вернулись в Соединенные Штаты Америки, и больше всех нашему отъезду радовался Поганая харя, потому что пришлось гнать тысячу миль со стволом под ребрами.

Так что (говорит Кит Скорик) теперь ты знаешь, зачем мы ездили в Европу.

Ну, натурально, мне было очень интересно его послушать, особенно когда Кит рассказывал про довоенное шампанское – на мой взгляд, в таких местах открываются большие деловые возможности, если там выйти на нужного человека, но одного Кит не рассказал мне, где в Европе находится эта страна.

– Понимаешь, – сказал Кит, – здесь, в Филадельфии, мы все убежденные республиканцы, и я не хочу республиканскую администрацию нашей страны впутывать в международный скандал. Понимаешь, – сказал он, – когда мы добрались домой, я прочитал в газете маленькое телеграфное сообщение, в котором говорилось, что граф Саро скончался от травм, полученных вследствие несчастного случая у себя дома несколько недель назад.

– И, – сказал Кит, – уверенности нет, но, может, эти травмы нанес Джо-джо, когда вечером в день отъезда заставил Поганую харю подкатить нас к дому эрцгерцога и бросил гранату в окно его спальни.

